

ПОЧЕМУ Я ПИШУ О ВОЙНЕ?

*Интервью
для «Вечернего Ленинграда»
(сентябрь 1984 г.)*

Почему я пишу о войне? Ну, прежде всего на это можно ответить так, как обычно и отвечают: масштабы Второй мировой войны — величина страданий, который она принесла людям, глубина и необратимость перемен в сознании тех, кто ее пережил, — настолько громадны, что она просто не могла не стать для моего поколения «вечной темой»...

Но это, конечно, ответ слишком общий и поверхностный. Каждый из пишущих о войне видит тему по-своему, для каждого она важна каким-то «своим», сугубо субъективным аспектом. Одни пишут, призывая к бдительности; пишут, так сказать, под девизом «пусть это не повторится». Другие главную свою задачу видят в том, чтобы воспитывать молодежь на героическом примере отцов. Для третьих военная тема останется неисчерпаемой пока не останется ни одного неизвестного подвига, ни одного непоименованного героя; многие ли знали о Бресте до первых публикаций С. С. Смирнова?

Есть и еще один, не менее важный, мне думается, аспект военной темы в сегодняшней советской литературе. Войны оставляют после себя — кроме неизмеримого человеческого горя и материальных убытков, исчисляемых астрономическими суммами, — еще и стойкую отраву ненависти и недоверия между народами, которым довелось оказаться по разные стороны фронта. Хотя все понимают, что в любой агрессивной войне повинно развязавшее ее правительство, а не народ, который оно

гонит на поля сражений, — там, на этих полях, убивают друг друга не президенты, не министры, а простые люди, одетые в разные мундиры и говорящие на разных языках. И справедливая ненависть к агрессору, к врагу, невольно превращается в ненависть к другому народу. Справедливо или несправедливо — во время войны это неизбежно. Вспомним, как наши мальчишки отказывались тогда учить немецкий, называя его «языком фашистов». И это остается надолго.

Я был в Германии полтора года — с ноября сорок третьего по март сорок пятого — и встречался там с очень разными людьми, от убежденных нацистов до тех, кто с риском для жизни помогали военнопленным, заключенным, иностранным рабочим. Все эти разные люди были немцами, но разве все были врагами? Я всегда вспоминаю об этом, встречаясь (увы, нередко) с прежними — еще военных лет — упрощенческими представлениями о Германии того периода...

Казалось бы, само время должно было внести коррективы, расставить правильные акценты. Время, однако, бессильно перед народной памятью — а в память советских людей слишком глубоко и слишком страшно врезана формула «немец=фашист=враг». И вот тут-то слово за литературой! Вот тут-то она и обязана выполнить одну из своих главных функций: как средство взаимопонимания и сближения между народами, а следовательно — в конечном итоге — как инструмент мира.

Пожалуй, все-таки именно это — стремление дать нашему читателю более полное и объективное представление о немецком обществе, о Германии в самый мрачный период ее истории — и побудило меня к работе над романом «Сладостно и почетно». Не претендуя на какие-то особые открытия (нам ведь доступна обширнейшая антифашистская литература, созданная самими немцами), я просто хотел через восприятие нашей соотечественницы — советской девушки, оказавшейся в гуще событий, — показать один из заключительных этапов трагедии народа, которому суждено было стать не только инструментом тирании, но и ее первой жертвой.